

Валерий
Попов

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

БЕСПРИЗОРНЫЙ
ГЕНИЙ

ОГИЗ

Тайны и загадки смерти великих людей

Валерий Попов

**Михаил Зощенко.
Беспризорный гений**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1.09 Зощенко М.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Попов В. Г.

Михаил Зощенко. Беспризорный гений / В. Г. Попов —
«Издательство АСТ», 2017 — (Тайны и загадки смерти великих
людей)

ISBN 978-5-17-102668-4

Михаил Зощенко — утонченный красавец, денди, блестящий офицер, герой Первой мировой войны; его рассказами зачитывался один малоизвестный акварелист с абсолютно незапоминающимися именем и фамилией — Адольф Гитлер. Кстати, не артистка ли Ольга Чехова переводила тексты Михаила Михайловича на немецкий язык? Разумеется, он был люто ненавидим литгенералами СП СССР. Но при всем при этом он прожил жизнь абсолютно счастливого человека, что для нас остается полной загадкой, которую мы и попытаемся разгадать в этой книге. Книга Валерия Георгиевича Попова — известного писателя и сценариста, лауреата литературных премий — отличается от «традиционных» биографий Зощенко иным (достойным и радостным) взглядом на, безусловно, драматическую судьбу писателя. «Люди, любившие Михаила Зощенко, жившие рядом с ним, грустили: как «заломали» его, во что превратили, даже не похоронили, как подобало! Но Зощенко не пропал! Уже очень скоро, в конце пятидесятых, мы, люди молодые, вчерашние школьники, получили Зощенко веселого, молодого, мы хохотали, читая его, и знать ничего не знали о его грустном конце! Собственно, с этого я и начал книгу — с восторга нового поколения, узнавшего Зощенко. Как раз слабел прежний строй, и едкая, слегка абсурдистская ирония Зощенко пришлась нам по сердцу...» Валерий Попов

УДК 821.161.1.09 Зощенко М.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102668-4

© Попов В. Г., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Встреча с Зощенко	7
Детство гения	11
Что нашел на войне?	16
Венок, сплетенный из старых нелепостей	20
Свой среди чужих	22
Сумасшедший корабль	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Попов
Михаил Зощенко. Беспризорный гений

© В. Г. Попов, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Встреча с Зощенко

Впервые я услышал про Михаила Зощенко в школе. И сразу – интересное! Наша учительница литературы Зоя Александровна разносила в пух и прах сочинение нашего классного хулигана Трошкина: «Глупость, безграмотность! Ну просто Зощенко какой-то!» Класс радостно загудел: «Почитайте, почитайте!» Трошкин порой такое загибал! И Зощенко тоже меня заинтересовал: в общей скуке что-то необычное! И надежды оправдались.

Перед первым курсом нас, поступивших в институт, послали копать картошку в дальний колхоз. И лучшего нельзя было придумать. Там уж мы отпраздновали наш успех! Песни наши, явившиеся вдруг непонятно откуда, полны были вольности и дерзости. Мы наконец избавились от «торжественных школьных линеек», от невыносимых уже «образов наших современников»... И вообще – шел 1957 год, начиналась свобода.

Ах, поцелуй же ты меня, перепетуля!
Я тебя так безумно люблю!
Для тебя чем угодно рискуя —
Спекульну, спекульну, спекульну!

С этой песней мы в кузове грузовика выезжали в поле. Бывшие школьные отличники (таких на нашем курсе было большинство) вырвались на волю!

Хотелось петь запрещенные песни, по-новому говорить. Мы искали язык. И нашли его. По вечерам мы нашей компанией шли в соседнюю деревню, за четыре километра. И не на танцы! Танцы как раз были на нашей центральной усадьбе, а там – копали картошку второкурсники, и среди них был брат одного из нас. Мы входили в просторную избу, освещенную керосиновой лампой, – и ложились на матрас или на пол. Видимо, чтобы не упасть от хохота. Хозяева-второкурсники по очереди, вырывая книжонку друг у друга из рук, читали вслух Зощенко:

«Землетрясение»

Землетрясение в Крыму было, как всем известно, два года тому назад. Однако убытки только сейчас окончательно выясняются.

Конечно, официальные убытки тогда же подсчитали – два миллиона рублей. Но к этой скромной цифре надо добавить, как теперь выясняется, еще небольшую суммишку рублей этак в сто.

Как раз на эту цифру пострадал один милый человек такой, некто Снопков. Сапожник.

Он – кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую каменную халупку. И он работал со своим приятелем на пару. Они оба – два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно не худо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...»

От хохота дребезжали стекла. И «словарь Зощенко» стал нашим словарем. Он помогал нам жить, дал «спасительные формулировки». Так, оказавшись в сложной ситуации, после задумчивой паузы ставили на стол бутылку, приговаривая: «Чего-чего другого, а уж это!..» И никто не спорил.

«...в пятницу одиннадцатого сентября сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что, чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более он еще не знал, что будет землетрясение».

И теперь у нас было оправдание для друга, совершившего ошибку, перешедшую в неприятность: «...тем более он еще не знал, что будет землетрясение... Так что чего же особенного было ждать?» И такая трактовка успокаивала, вселяла бодрость.

«...И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения. А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мучило. И он всегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября в аккурат перед самым землетрясением Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе. Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение».

Если кто-то приходил не вовремя, можно было сказать: «Ну, сходи на улицу, поколбасись немножко» – и он, не обижаясь, шел «колбаситься».

Клан любителей Зощенко, образовавшийся в институте, жил и потом. Встретить своего – значило получить шанс. Помню, мы пришли к главному конструктору одного серьезного «почтового ящика» (так назывались секретные институты), представили ему результаты испытаний их аппаратуры, проведенных нами в полевых условиях, – аппаратура показала результаты несколько неожиданные... И он был поражен. И, присвистнув, сказал: «...Та-а-ак!.. а параллельно с этим происходит знаменитое крымское землетрясение!» – и мы сразу сроднились и всё решили. Это конкретное «крымское землетрясение» мы пережили... как и Снопков.

«...Продрал свои очи наш Снопков и думает: «Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчера еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять – чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, действительно чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

Зощенко никогда не берет привычные слова, уже стертые и потерявшие вкус – он обязательно «вывернет наизнанку» и слово, и явление – и мы видим вдруг нечто новое и гораздо более точное. Привычнее было сказать «разоренное хозяйство»... и никакой реакции: «Что значит – «разоренное»? Кем?» А у Зощенко – «разрозненное хозяйство» – и точность созданного им слова вызывает восторг: «Вот именно – «разрозненное!» После землетрясения всё «врозь».

«...И так ему на душе неловко стало, неинтересно. «Эва, думает, забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну-те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает, полегче пить или вовсе бросить».

Именно этой фразой мы воспитывали себя: «Надо полегче пить или вовсе бросить» – и по указанию классика делали кто этак, а кто так.

«Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остаток полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал. Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».

Эта универсальная фраза годилась для многих случаев. Когда наш начальник секретного отдела в сотый раз рассказывал нам о том, как мы должны быть бдительны и как был наказан за утерю печати один сотрудник в сороковом году, причем рассказчик постепенно приходил в экстаз, у нас была наготове фраза из Зощенко: «Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».

Нам главное – захмелеть. Неважно от чего.

«...Тем более он не жрал давно и тем более голова была ослабши с похмелья.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые, с перинами и матрацами.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет. «Господи, думает, семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло? Эвон народ ходит: раздевшись, все равно как в тропиках».

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается – темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно – он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает:

«Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге. Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

– А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?

Снопков говорит:

– Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

– Так что до Ялты верст, может, тринадцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения и чего где разрушило и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет, и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, конечно, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился».

И эта фраза тоже стала нашей любимой. Когда шла речь о каком-нибудь очередном ужасе нашей жизни – мы говорили, снимая напряжение, что-нибудь вроде: «...Ну, думаю, никто особенно не поразился».

Геройский человек этот Снопков! Пример стойкости! И конец – поучительный, бодрый:

«После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги – шесть-десять целковых, пиджак – рублей восемь, штаны – рубля полтора и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собирался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже. Чего хочет автор сказать этим художественным произведением? Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи – землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто, товарищи».

И – подводя итог своей «довольно продолговатой» жизни, скажу так: «Зощенко спас!» Неприятности у него в руках становились смешными. Мы все пережили самые разные эконо-

мические и политические потрясения как-то так... как пережил Снопков знаменитое крымское землетрясение...

Бодро! Мой сокурсник Слава Самсонов рассказывал, что мама читала Зощенко вслух в бомбоубежище, дом содрогался от взрывов, а народ хохотал.

О Зощенко принято писать в траурном стиле... Мол – «сломали», «сломался». Эх, люди! Гляньте-ка на себя. А Зощенко – лучше всех. И написал. И прожил. Об этом и хочу рассказать.

Детство гения

Откуда берутся гении? Да кто их поймет! Никаких законов тут нет – можно только гадать. Ну, наверное, происхождение, родители... От этого фактора, конечно, не отмахнешься. Лучше, конечно, если отец чем-то там дирижировал. А мать, скажем, танцевала. Это всё в плюс.

Ну, а там, потом, какое-нибудь еще «землетрясение» закалит характер, нарисует сюжет. Детство гения прошло в Петербурге, где он и появился на свет – в 1894-м.

Отец Зощенко, Михаил Иванович, был художник. В журнале «Нива» славились его комические картинки с изображением украинских селян. Он делал потешные подписи под ними. Так что талант у писателя Зощенко понятен от кого. Еще отец рисовал большие картины из народной жизни, в духе передвижников, но академиком не стал, работал «мозаичистом», «лепил мозаику», и числился «неклассным художником», то есть – сильно не зарабатывал. Хотя происходил из дворян Полтавской губернии – поместья не имел. Может, прадед проиграл в карты – история об этом умалчивает. Однако кормил папа всю семью, какую нынче и академику не поднять – пятерых дочерей и трех сыновей!

Но главное, что он сделал – после нескольких поколений чиновников в их семье начал зарабатывать творчеством, подвигнув на это и сына. Хотя путь этот, как показали их судьбы, самый рискованный. Правда, по семейной легенде основателем их рода тоже был человек творческий, иностранный архитектор, «зодчий», приехавший в 1789-м в Малороссию, получивший при крещении имя Аким. Отсюда, по легенде, из слова «зодчий» и образовалась, на украинский лад, их фамилия – Зодченко... Зощенко. Отец Зощенко умер скоропостижно, в возрасте сорока девяти лет. Матери Михаила, Елене Иосифовне (Осиповне) Суриной на момент смерти мужа-кормильца было всего тридцать четыре года. И она, после ранней смерти мужа, вырастила восьмерых детей!

Может быть, в этом разгадка появления таланта? Когда много детей – больше шансов, что хоть одного из них «поцелует Бог»? Они все дружили между собой, помогали друг другу... Самая старшая сестра – Елена, Лелька, была веселой, энергичной, веселила всех и придумывала разные авантюры. Всю жизнь старалась помогать брату Михаилу. Но главное, чем помогла – именно про нее, про ее проделки Зощенко написал больше, чем про других. Остальные сестры и братья – Валентина, Юлия, Тамара, Владимир, Вера, Виталий – были хорошими людьми, жили, как все. Но ни у кого из них, кроме Михаила, не было большого таланта. Судьбы их обыкновенны – в отличие от судьбы их гениального брата.

Конечно, большое влияние на него оказала мать, Елена Иосифовна. Она была волевая, энергичная, веселая, талантливая – раньше была актрисой, потом стала писать сентиментально-поучительные рассказы для популярного журнала «Копейка». Первые рассказы Зощенко – подражание ей. Так что не только вырастила детей, но и «определила» – сказала самое главное, важное именно для его жизни. Михаилу она сказала так: «У тебя закрытое сердце. Как и у твоего отца!» И фраза эта поразила его, и вся его литература – попытка «раскрыть» сердце.

Стихи Миша стал писать с восьми лет. Потом были рассказы – «Пальто» и «За что?». Видимо – не шедевры. На выпускных экзаменах за сочинение получил кол! Невысоко оценила гимназия будущего писателя. Учитель перечеркнул написанное словом «Чепуха!» Да-а! Вот это «дебют»! А ведь он писал страстно, с душой, противопоставляя всяким там реакционным Фамусовым романтического героя! И возбудился так, что конечно же за какими-то там ошибками не следил. Плюнули в душу – в душу уже писательскую! Михаил даже пытался отравиться сулемой – причем сделал это прямо в здании гимназии, напоказ. Уже – «трагедию писал»! И это еще не самое суровое из того, что с ним в жизни случится, и многое – не случайно: накликал сам! Писателем становится тот, кто «насочинял» себе и беды, и горе, кого жизнь

бьет с особой суровостью – и, как ни странно, он сам порой добивается этого. Счастье писателя – это его несчастья. И то, что Зощенко отравился «напоказ» – наверное, не случайно: и самоубийство он уже подсознательно рассматривал как сюжет – пусть все видят и, наконец, оценят его! И сюжет этот, как ни странно, оценили. Хотя что тут странного – сюжет сильный: самоубийство в стенах гимназии. И – первый «успех». Сюжет, несомненно, произвел на первых «читателей» Зощенко – чиновников из Министерства просвещения – впечатление весьма сильное: ему в виде редчайшего исключения разрешили сочинение переписать! Сыграло тут роль и вмешательство мамы: она уже настолько поднаторела в писании всяких прошений о помощи, что и тут создала очередной шедевр: «...в случае выздоровления ученика 8 класса Михаила Зощенко прошу не отказать в предоставлении ему возможности окончить курс гимназии, так как при многочисленной семье (8 человек детей) и весьма ограниченной пенсии, которую получает вдова с детьми после мужа – 600 рублей в год, он мог бы, имея аттестат об окончании гимназического курса, начать зарабатывать средства к жизни и прийти на помощь своим малолетним братьям и сестрам».

Учись писать, Михаил! Страстное слово действует на самые черствые души! Их совместные отчаянные действия привели к тому, что аттестат он таки получил – правда, всего лишь с двумя хорошими оценками – по географии и Закону Божьему. Итак – гимназия позади. И может быть, в душе Зощенко отпечаталось: «Сильный сюжет действует даже на черствых!»

Закончив гимназию, он в сентябре 1913-го поступает в Санкт-Петербургский университет, на юридический, как все нормальные люди. Но уже в апреле 1914-го по постановлению правления университета он отчислен «за невзнос платы за весеннее полугодие 1914 года». Начинаются совсем другие «университеты». А останься он здесь, он бы только в 23 года начал взрослую самостоятельную жизнь – а он к этому возрасту уже успел страх как много. Как в старой русской сказке – для того, чтобы преобразиться, Иванушка должен прыгнуть в котел с кипятком, а иначе таким же Иванушкой-дурачком и останется.

Сначала он уехал как бы на заработки – вернуть университету долг. И по дороге на Кавказ, в Москве, после посещения церкви, он сочиняет рассказ «Двугривенный», первый из сохранившихся. Рассказ был в стиле газеты «Копейка», в котором активно печаталась его мать: о том, как нищенке показалось, что нашла на полу церкви двугривенный, а это оказался плевок. Искренность сочувствия страждущим тут несомненна – но до настоящего Зощенко еще ох как далеко!

Однако с ним уже и тогда «происходят» настоящие его рассказы... или, может, куски рассказов, которые потом пригодятся. Кусок... потом еще – кусок. И глядишь – одеяло! У писателя ничего не пропадает. Сестра Леля, с которой он дружил больше всех, еще в детстве «натворила» немало рассказов. Вот, например!.. Правда, записанный Зощенко через много лет после детства:

«Находка»

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука.

Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали ее шикарной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шел и потерял свою покупку. Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идет прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Еще бы: он нашел коробку конфет – это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, еще того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.

Тут мы с Лелей стали так смеяться, что повалились на траву.

И мы смеялись до того громко, что прохожий обернулся в нашу сторону и, увидев нас за забором, тотчас все понял.

В одно мгновение он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его и бросился к нам, чтобы нас проучить.

Мы с Лелей задали стрекача.

Мы с визгом бросились через сад к дому.

Но я запнулся о грядку и растянулся на траве.

И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо.

Я громко закричал. Но прохожий, дав мне еще два шлепка, спокойно удалился из сада.

На крики и шум прибежали наши родители.

Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошел к родителям и пожаловался им на то, что было.

Моя мама хотела позвать дворника, чтобы с дворником догнать прохожего и арестовать его.

И Леля уже было кинулась за дворником. Но папа остановил ее. И сказал ей и маме:

– Не зовите дворника. И не надо арестовывать прохожего. Конечно, это не дело, что он отодрал Миньку за уши, но на месте прохожего я, пожалуй, сделал бы то же самое.

Услышав эти слова, мама рассердилась на папу и сказала ему:

– Ты ужасный эгоист!

И мы с Лелей тоже рассердились на папу и ничего ему не сказали. Только я потерял свое ухо и заплакал. И Лелька тоже захныкала. И тогда моя мама, взяв меня на руки, сказала папе:

– Вместо того чтобы заступаться за прохожего и этим доводить детей до слез, ты бы лучше объяснил им, что есть плохого в том, что они сделали. Лично я этого не вижу и все расцениваю как невинную детскую забаву.

И папа не нашелся что ответить. Он только сказал:

– Вот дети вырастут большими и когда-нибудь сами узнают, почему это плохо».

И это происшествие зацепилось в еще детской, но уже – писательской голове и ждало случая. И вот – случай: происшествие это сцепилось с другим, происшедшим уже после гимназии:

«...И вот проходили годы. Прошло пять лет. Потом десять лет прошло. И наконец прошло двенадцать лет.

Прошло двенадцать лет, и из маленького мальчика я превратился в молодого студентика, лет этак восемнадцати.

Конечно, я забыл и думать об этом случае. Более интересные мысли посещали тогда мою голову. Но однажды вот что произошло.

Весной, по окончании экзаменов, я поехал на Кавказ. В то время многие студенты брали на лето какую-нибудь работу и уезжали кто куда. И я тоже взял себе должность – контролера поездов.

Я был бедный студентик и денег не имел. А тут давали бесплатный билет на Кавказ и вдобавок платили жалованье. И вот я взял эту работу. И поехал.

Приезжаю сначала в город Ростов, для того чтобы зайти в управление и получить там деньги, документы и щипчики для пробивания билетов.

А наш поезд опоздал. И вместо утра пришел в пять часов вечера.

Я сдал мой чемодан на хранение. И на трамвае поехал в канцелярию.

Прихожу туда. Швейцар мне говорит:

– К великому сожалению, опоздали, молодой человек. Канцелярия уже закрыта.

– Как так, – говорю, – закрыта? Мне же надо сегодня получить деньги и удостоверение.

Швейцар говорит:

– Все уже ушли. Приходите послезавтра.

– Как так, – говорю, – послезавтра. Тогда лучше уж я завтра зайду.

Швейцар говорит:

– Завтра праздник, канцелярия не работает. А послезавтра приходите и все, что надо, получите.

Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать».

Что делать писателю, когда он один в чужом городе, и к тому же без копейки? Как – что делать?! Делать рассказ!.. Пока что – не на бумаге, а в жизни...

«Впереди два дня. Денег в кармане нет – всего осталось три копейки. Город чужой – никто меня тут не знает. И где мне остановиться – неизвестно. И что кушать – непонятно.

Я побежал на вокзал, чтобы взять из моего чемодана какую-нибудь рубашку или полотенце для того, чтобы продать на рынке. Но на вокзале мне сказали:

– Прежде чем брать чемодан, заплатите за хранение, а потом уж его берите и делайте с ним что хотите.

Кроме трех копеек, у меня ничего не было, и я не мог заплатить за хранение. И вышел на улицу еще того более расстроенный.

Нет, сейчас бы я так не растерялся. А тогда я ужасно растерялся. Иду, бреду по улице неизвестно куда и горюю.

И вот иду по улице и вдруг на панели вижу: что такое? Маленький красный плюшевый кошелек. И, видать, не пустой, а туго набитый деньгами.

На одно мгновение я остановился. Мысли, одна другой радостнее, мелькнули у меня в голове. Я мысленно увидел себя в булочной за стаканом кофе. А потом в гостинице на кровати, с плиткой шоколада в руках.

Я сделал шаг к кошельку. И протянул за ним руку. Но в этот момент кошелек (или мне это показалось) немного отодвинулся от моей руки.

Я снова протянул руку и уже хотел схватить кошелек. Но он снова отодвинулся от меня, и довольно далеко.

Ничего не соображая, я снова бросился к кошельку.

И вдруг в саду, за забором, раздался детский хохот. И кошелек, привязанный за нитку, стремительно исчез с панели.

Я подошел к забору. Какие-то ребята от хохота буквально катались по земле.

Я хотел броситься за ними. И уже схватился рукой за забор, чтоб перепрыгнуть. Но тут в одно мгновение мне припомнилась давно забытая сценка из моей детской жизни.

И тогда я ужасно покраснел. Отошел от забора. И, медленно шагая, побрел дальше.

Ребята! Все проходит в жизни. Прошли и эти два дня.

Вечером, когда стемнело, я пошел за город и там, в поле, на траве, заснул.

Утром встал, когда взошло солнышко. Купил фунт хлеба на три копейки, съел и запил водичкой. И целый день, до вечера, без толку бродил по городу.

А вечером снова пришел в поле, и снова там переночевал. Только на этот раз плохо, потому что пошел дождь и я промок как собака.

Рано утром на другой день я уже стоял у подъезда и ожидал, когда откроется канцелярия.

И вот она открыта. Я, грязный, взлохмаченный и мокрый, вошел в канцелярию.

Чиновники недоверчиво на меня посмотрели. И сначала не захотели мне выдать деньги и документы. Но потом выдали.

И вскоре я, счастливый и сияющий, поехал на Кавказ».

Оказалось, что не так легко сделался он контролером... Но это и хорошо! Злоключения – писательский хлеб!

На Кавказе Михаил работает контролером – эта должность считалась среди студентов престижной. Но и тут – происшествия... Ставшие – литературой.

«Кисловодск. Я выхожу на платформу... Вежливо кланяясь и улыбаясь, подходит ко мне кассир.

– Коллега, – говорит он мне (хотя он не студент), – на пару слов... В другой раз вы не пробивайте щипчиками билеты, а возвращайте мне...

Эти слова он произносит спокойно, улыбаясь, как будто речь идет о погоде.

Я растерянно бормочу:

– Зачем?.. Для того чтоб вы их... еще раз продали?..

– Ну да... У меня уже есть договоренность почти со всеми вашими... Доход пополам...

– Мерзавец!.. Вы врете! – бормочу я. – Со всеми?

Кассир пожимает плечами.

– Ну, не со всеми, – говорит он, – но... со многими...

Резко повернувшись, я ухожу... Я удивлен больше чем когда-либо в жизни».

И этот эпизод, случившийся в его жизни, Зощенко вспомнил и вставил в одну из своих книг. Такой «набор происшествий», пережитых и запечатленных в душе, – главное для писателя. С кем ничего не случается – вряд ли что-то напишет. А к Зощенко, словно уже чувствуя его талант, «липнут происшествия» – причем именно «зощенковские»!

Рядом с комнатой Зощенко на кавказской станции Минутка поселяется некая Эльвира, цирковая артистка, приехавшая сюда вслед за генералом, с которым у нее была короткая связь. Зощенко по ее просьбе пишет генералу письмо, и такое чувствительное, что генерал сразу присылает Эльвире деньги. Эльвира получила деньги, а Миша Зощенко – сюжет будущего рассказа «Веселая жизнь», уже почти зощенковского... Но созрел он не сразу. А пока – 18 августа 1914 года он подает прошение вновь зачислить его в университет и вносит деньги. Но 12 сентября ему возвращают документы и деньги, «как не принятому в Санкт-Петербургский университет». Почему так? Как написал бы уже зрелый Зощенко: «Что за неперка за шесть гривен?» За что такая напасть? Может быть, повлияла довольно небрежная его учеба в первый год? Но как ни странно – это соответствовало его тайным желаниям. Зощенко жаждет чего-то более бурного, чем опостылевшая уже учеба. Детство кончилось. Вернее – он сам его резко оборвал... «А чего особенно было ждать?»

Что нашел на войне?

«И тут, – пишет Зощенко в книге, – слава Богу, началась Первая мировая война!» Звучит это слегка кощунственно, но правдиво, как всегда у него... Многим молодым людям, уже подзапутавшимся в жизни, война кажется спасением – уж военные испытания «выжгут» все лишнее, все разъяснят, определяют характер! Гениально сказано у Пушкина: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат!»

Еще на Кавказе чуть не состоялась его дуэль с известным правоведом К., после чего он почувствовал себя отъявленным смельчаком... 29 сентября 1914 года в Петрограде Михаил поступает в Павловское (аристократическое!) военное училище на ускоренные четырехмесячные курсы военного времени юнкером рядового состава на правах вольноопределяющегося 1 разряда. 5 января 1915-го переведен в юнкера унтер-офицерского звания. 1 февраля он окончил курсы и произведен в подпрапорщики (самый низший офицерский чин) с зачислением по армейской пехоте. Жизнь (которую он сам выбрал), гонит его «в самую гущу», где горячее всего. Как и Лев Толстой, он выбирает войну. Наверное, это лучшая школа. Если прочитать первый вариант «Героя нашего времени» Лермонтова, можно прийти в полное изумление: бессмысленные страдания молодого позера! Тот ли автор? И вот – изучаемый в школе «Герой нашего времени», написанный уже повоевавшим автором: все напряжено и звенит, как струна! Война выжигает все лишнее и фальшивое, оставляя главное.

12 марта 1915 года юный Зощенко прибыл для прохождения службы в 16 гренадерский Мингрельский Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Константиновича полк Кавказской дивизии.

Зощенко пишет о том, что судьба его берегла. Война на этом участке, в Западной Белоруссии, носила в основном позиционный характер – кровопролитных наступательных и отступательных операций здесь не было. Но и сама жизнь на позициях была не проста. Самое главное – Зощенко именно на войне нашел своих главных героев, в университетских аудиториях он бы вряд ли их повстречал.

«Нервы

Два солдата режут свинью. Свинья визжит так, что нет возможности перенести. Я подхожу близко.

Один солдат сидит на свинье. Рука другого, вооруженная ножом, ловко вспарывает брюхо. Белый жир необъятной толщины расплывается на обе стороны.

Визг такой, что впору заткнуть уши.

– Вы бы ее, братцы, чем-нибудь оглушили, – говорю я. – Чего же ее так кромсать.

– Нельзя, ваше благородие, – говорит первый солдат, сидящий на свинье. – Не тот вкус будет.

Увидев мою серебряную шашку и вензеля на погонах, солдат вскакивает. Свинья вырывается.

– Сиди, сиди, – говорю я. – Уж доканчивайте скорей.

– Быстро тоже нехорошо, – говорит солдат с ножом. – Крайняя быстрота сало портит.

С сожалением посмотрев на меня, первый солдат говорит:

– Ваше благородие, война! Люди стонут. А вы свинью жалеете.

Сделав финальный жест ножом, второй солдат говорит:

– Нервы у их благородия».

Зощенко все выдержал. Стал отважным, опытным офицером. Себя, однако, не уберег. Да не очень это было и принято: беречь себя на войне. Лучше потерять жизнь, чем честь! «Обычная жизнь прапорщика на позициях – две недели», – меланхолично записал Зощенко. Получив команду – прорвать с его взводом оборону противника, он подползает с солдатами к колючей

проволаке, они пытаются ее перерезать – но ураганный огонь прижимает их к земле. Зощенко получает ранение в ногу осколком снаряда. Приходит приказ – отойти. Командир полка благодарит Зощенко. Оказывается, они сделали именно то, что надо – отвлекли внимание противника, а все главное произошло на соседнем участке. 17 ноября 1915 года «За отличные действия против неприятеля» Зощенко награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 22 декабря назначен на должность начальника пулеметной команды, произведен в подпоручики. Это значительное повышение. Пулеметы тогда были оружием новым, стоили очень дорого, и доверить командование ими могли только очень способному, ответственному офицеру. Таким Зощенко и стал.

11 февраля 1916 года он награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Никаких подвигов он перед этим не совершал – служил, «тянул лямку». И второй орден получил просто за успешную службу и, как говорится, «вдогонку» первому. Для таких случаев этот «орден», Святой Анны 4-й степени, и был предназначен и серьезным не считался. Он был маленький, красного цвета и имел насмешливое прозвание «клюква». Его слегка небрежно крепили на эфесе шашки и носили там. И Зощенко, как всякий бывалый, лихой офицер, поступил так же.

Уже в качестве «героя войны», с двумя орденами, он приезжает в отпуск в Петроград, в надежде встретиться со своей первой любовью, с которой еще гимназистом целовался у памятника «Стережущему», в сквере на Петроградской... Он и пошел на войну ради того, чтобы появиться перед ней вот таким – мужественным, отмеченным наградами, и притом – с грустью в глазах! Но грусть его еще усиливается, когда он... встречает ее под руку с женихом: первая его любовь, красавица Русанова-Замысловская выходит замуж. На другой день Зощенко выезжает обратно в полк. Горячность, импульсивность свойственны Зощенко, и не только молодому. Фотография первой его возлюбленной всю жизнь будет стоять у него на бюро.

9 июля его производят в подпоручики. Вероятно, он лучший офицер: именно он замечает у неприятеля за линией фронта появление каких-то странных блиндажей, не похожих на обычные, и дважды посылает рапорты начальству, полагая, «что эти блиндажи для штурмовых орудий или пулеметов»... Сигнал остается без внимания. Начальство, как всегда, равнодушно и высокомерно. Низшие чины не смеют им указывать, на что нужно обратить внимание... И из-за этого жизнь Зощенко ломается самым ужасным образом.

«Двадцатое июля

...Душная июльская ночь. Сняв френч, я пишу письмо.

Уже около часа. Надо ложиться. Я хочу позвать вестового. Но вдруг слышу какой-то шум. Шум нарастает. Я слышу топот ног. И звяканье котлов. Но криков нет. И нет выстрелов.

Я выбегаю из землянки. И вдруг сладкая удушливая волна охватывает меня. Я кричу: «Газы!.. Маски!..» И бросаюсь в землянку. Там у меня на гвозде висит противогаз.

Свеча погасла, когда я стремительно вбежал в землянку. Рукой я нащупал противогаз и стал надевать его. Забыл открыть нижнюю пробку. Задыхаюсь. Открыв пробку, выбегаю в окопы...»

Глотнув газов, Зощенко погубил свое здоровье навсегда: «Меня везут в госпиталь по талому февральскому снегу...»

После Первой мировой войны химическое оружие было запрещено и во время Второй мировой не применялось вообще. В Первой мировой применялось считанные разы... и под одну из этих газовых атак попал Зощенко. «Везет, как утопленнику!» Он же предупреждал о тех таинственных блиндажах, где оказались баллоны с газом!.. Но – не помогло, начальство пропустило мимо ушей. Пытался спасти людей, крикнул «Противогазы!» – и «глотнул смерти», и едва выжил, но здоровье погубил. Но почему же не слышали его раньше? Ему есть за что обижаться на жизнь!

Его награждают орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и направляют в госпиталь.

Узнав, что у него еще и порок сердца, он тем не менее возвращается на позиции. За те болезни, что «подарили» ему, и так же, очевидно, «за рвение» – ведь он же «предупредил» о газовой опасности, его вновь «отмечают» – орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и бантом! У нас так: нужно, чтобы человек тяжело пострадал, после чего его награждают – «с чувством глубокого удовлетворения»... Командир полка князь Макаев делает Зощенко, которого он называет «малыш», своим адъютантом. Потом Зощенко становится командиром роты, потом – батальона, произведен в штабс-капитаны. Это – 1916-й, Зощенко 22 года!

Есть что изучать в его жизни. У Зощенко очень много талантливых исследователей. Рассмотрен, изучен каждый листок – и не только рукописей. Вот эти важны не менее: хранимые в музее листки из «Полевой книжки» Зощенко, когда он занимал должность командира 4 роты. Видно, сколько у него забот. На маленьких страничках и – черновик рапорта командиру батальона о гибели гренадера Василия Полякова, находившегося в разведке и убитого разрывной пулей в голову, и набросок заявления заведующему оружием с просьбой выдать вторую ракетницу, поскольку первая пришла в негодное состояние, и отчет о произведенной разведке, и записи по дислокации (до позиций противника 1600 метров), и расписание солдатских отпусков – солдаты имели право на отпуск для посещения семьи, и это тоже было «на его совести» – кого, когда и на сколько отпускать. И это при том, что солдаты были зачастую намного старше его и поддерживать с ними нужный тон было не просто. Солдаты между собой называли его «внучок».

При этом – он еще сочинял эпиграммы на офицеров, довольно дерзкие (и одновременно какие-то детские):

Василий Николаевич – командир батальона.
Доволен судьбой своей чрезмерно,
И предложи ему два миллиона,
Он не возьмет их – уж это наверно.

А вот – на полковника Трухачева:

С начальством мил и с нами прост.
Нельзя сказать, чтоб был прохвост.
Фамилья только подкачала.
Труха... – пойми сначала.
На это каждый мне ответит:
Фамилей бог и шельму метит.

Чем-то он напоминает Лермонтова – чьи шутки и насмешки над офицерами, как известно, не довели его до добра. Проявляется насмешливый, даже ядовитый характер Зощенко – позже это его качество, как соль, войдет в лучшие его рассказы. Вот итоги его службы, записанные им самим:

«В девятнадцать лет я был уже поручиком. В двадцать лет – имел пять орденов и был представлен в капитаны. Но это не означало, что я был герой. Это означало, что два года подряд я был на позициях».

Вот перечисление его орденов: орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом; орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; орден Святого Станислава 2-й степени с мечами;

орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В январе 1917-го он был представлен к званию капитана и к ордену Святого Владимира 4-й степени – но ни звания, ни ордена получить не успел. Прежняя жизнь рушилась. Города были охвачены революционными беспорядками. Почти все слои общества, включая буржуазию и интеллигенцию, выступали против монархии. Случалось, иные члены Государственной думы не подавали руку государю, когда он протягивал им свою. 22 февраля, уезжая из Петрограда в Ставку – в Могилев, царь передал главе правительства князю Н. Д. Голицыну высочайший указ о роспуске Государственной думы с правом поставить дату по его усмотрению. На следующий день в столице вспыхнули продовольственные волнения, переросшие в демонстрации (ходили слухи, что за бунтом стоят те же думские депутаты). В конце концов под давлением Думы 2 марта Николай II подписал отречение от престола. Большевистским агитаторам удалось довольно быстро разложить действующую армию: врагами теперь считались свои же офицеры, а с немцами солдаты, выходя из окопов, братались. Зощенко орденов никогда не носил – из скромности. Да и жизнь уже пошла такая, что лучше было их не носить. Их могли сорвать вместе с погонами и после этого расстрелять. Зощенко боевыми заслугами никогда не бахвалился. Но когда литературные палачи называли его трусом и дезертиром – ему было что ответить.

Мировая война для России ничем хорошим не кончилась. Более того – перешла в революцию. Война навсегда погубила здоровье Зощенко. Вот одно из первых впечатлений о Зощенко, записанное Чуковским в дневник 24 мая 1921 года:

«Вчера вечером в Доме искусств был вечер «Сегодня», с участием Ремизова, Замятина – и молодых: Никитина, Лунца и Зощенко. <...> Зощенко – темный, больной, милый, слабый, вышел на кафедру (т. е. сел за столик) и своим еле слышным голосом прочитал «Старуху Врангель» – с гоголевскими интонациями, в духе раннего Достоевского. <...> Жаль, что Зощенко такой умирающий: у него как будто порвано все внутри. Ему трудно ходить, трудно говорить: порок сердца и начало чахотки».

С началом революции все его военные награды не только потеряли значение – о них стало опасно вспоминать. Зощенко сохранил ордена и даже фотографии, где он, то совсем еще юный, то уже возмужалый, снят в форме офицера царской армии. Однако на одном снимке, групповом, где он изображен с офицерами своего полка, его рукой сделана надпись: «Золотопогонная сволочь» в 1916 году на фронте. Господа офицеры Мингрельского полка Кавказск. Гренад. дивизии. Я командир батальона. В центре. Группка идеологически не выдержана. Наша молодая общественность простит меня – был очень молод! В то время мне не было 20 лет. М. Зощ.» (Если быть точным, в 1916-м ему исполнилось 22 года.)

Он как бы просит прощения за то, что воевал! Но, скорее, надпись эта отдает мрачной иронией. Зощенко не зря «сходил на войну». Он вынес оттуда самое ценное: сильный жизненный материал, и что еще важнее – свой, неповторимый стиль. Из всего этого и выросла первая его книга «Похождение Назара Ильича, господина Синебрюхова» (1922), принеся ему первую славу. На войне родился писатель Зощенко – и в «Синебрюхове» та же газовая атака описана уже по-зощенковски, лукаво и насмешливо... не зря он на позициях упражнялся в эпиграммах. И вот – уже зощенковский текст: «Немец хитрая сука, но и мы, безусловно, тонкость понимаем: газы не имеют право осесть на огонь... только прошел газ, видим – живые!»

Зощенко «вынес» с войны своего «народного героя», этакого русского Швейка, они «оба два» с Синебрюховым «солдаты Первой мировой»...

И что важно еще – на войне Зощенко выковал характер, из мальчика стал мужчиной, твердым и решительным. И это немаловажно: впереди были тяготы еще те!

Венок, сплетенный из старых нелепостей

Зощенко, в военной шинели, но без погон, возвращается в Петроград. Февральскую революцию 1917 года русская интеллигенция, к которой Зощенко себя причислял, считала торжеством свободы, все носили красные банты. Зощенко, после тесного общения с народом в окопах, уже представлял, к чему приведет нынешняя «свобода»... Но надо было как-то осваиваться.

«Самая пышная должность у меня была в 17-м году, – напишет он позже, в 1927-м, в биографической заметке «О себе». – После Февральской революции. Я был комендантом почт и телеграфа в Петрограде. Мне полагалась тогда лошадь. И дрожки. И номер в «Астории».

Я на полчаса являлся в Главный Почтамт, небрежно подписывал бумажки и лихо уезжал в своих дрожках.

При такой жизни я встречал множество удивительных и знаменитых людей. Например, Горького. Шаляпина как-то раз встретил у Горького».

«Мишка-башлык» – так называли Михаила Зощенко друзья из-за его привычки носить армейский белый башлык, чрезвычайно эффектно оттенявший смуглую южную красоту героя-фронтовика. В марте 1917 года на одной из вечеринок «хорошего общества», в котором Зощенко, герой и красавец, был желанным гостем, он познакомился с юной красавицей Верой Кербиц-Кербицкой, впоследствии ставшей его женой. Она была дворянка, натура тонкая, артистическая.

Каждая юность имеет свой стиль – наваянный, как правило, модным писателем. Помню, как мы ходили с суровыми лицами и с поднятыми воротниками, чувствуя себя героями то Ремарка, то Хемингуэя. Романтизм, столь необходимый юношеству, в семнадцатом году диктовали, как это ни странно, не Маркс и не Энгельс, а малоизвестные сейчас Вербицкая, Каменский, Арцыбашев и некоторые другие писатели, в чьих сочинениях благоухал «культ земных наслаждений», «культ тела», чувственная любовь и прочее в этом духе. И Зощенко отдал дань этой моде.

«О чем бы ни писал он тогда, – поведала в своих дневниках Вера Владимировна Кербиц-Кербицкая, – в его рассказах, новеллах, сказках, миниатюрах всегда присутствовала тема любви. Каждое письмо имело свое название, как художественное произведение: «Гимн придуманной любви», «Дайте мне новое», «Пришла тоска – моя владычица, моя седая госпожа...». Это были как бы стихотворения в прозе».

Вот один из шедевров тех лет, написанных... даже не хочется говорить – Зощенко. Скажем так – влюбленным (и более всего – в «изящный стиль») молодым Михаилом:

«Вместе с осенью пришло что-то новое... Какая-то тревога, может быть, печаль. А часто апатия, почти умирание... И капли дождя, что быют по стеклу, – беспокоят...

Что они напоминают?

Да, слезы и Вашу печаль...

Помните, как Вы ждали осени? И вот пришла осень. Вот она, такая скучная и дождливая. Печальная. Пришла и покорила Вас, как покоряли уже и белые ночи, намеки ночей, и летнее небо, и даже белые цветы яблони...»

Да-а... В 1917 году герой Зощенко еще не стал тем полуграмотным водопроводчиком, которого так полюбили массы, особенно после того, как он неудачно сходил с одной аристократкой в театр.

Впрочем, новая жизнь уже вносит некий динамизм в прежнюю затхлую атмосферу бударов и дворцов. Зощенко меняет содержание рассказов. В рассказе «Сосед» именно сосед оказывается важным действующим лицом – в прежней «красивой жизни» люди жили более «разрозненно», а тут – сосед по коммуналке, когда надо, оказывается под рукой. «Когда надо» –

это когда молодая жена решает изменить своему престарелому мужу. Сюжет тут, надо сказать, довольно смелый, с неожиданным финалом – Зощенко уже понимает, что действие должно увлекать, шокировать, опрокидывать прежнее, застоявшееся... Муж, узнав про измену, не укоряет жену, а чуть ли не поощряет и даже – подсматривает! И обретя на фоне этих впечатлений прежнюю мужскую силу, властно возвращает себе жену. Рассказ, можно сказать, позитивный – и муж, и жена довольны финалом. Да – новые времена требуют нового. В рассказе «Актриса» тоже – неожиданный поворот:

«Дикий разгул и пьяная пляска... и высматривают случайную женщину. Хватают своими руками и куда-то несут с радостным воплем... Актриса дерзко и вызывающе смотрит им всем в глаза. Вот так. Что же они не трогают? Не хватают и не тащат... один солдат только грубо и больно толкнул ее в спину. Ай!.. И больше ничего...»

Рассказ этот имеет дату – 5 июля 1917 года, Петроград.

Да – новая реальность тут, безусловно, отражена. И уже есть зощенковская горькая насмешка: «Да, насилуют... Но совсем не тех, кто этого хочет!»

Однако в рассказе этом стара не только героиня – стар язык, напыщен и банален. «Смотрели солдаты на нее недоверчиво и изумленно...» Как-то слово «изумленно» не очень подходит для солдат. Можно подумать, что это писал не тот знаменитый Зощенко, которого мы знаем наизусть, а его какой-то слабый однофамилец.

Уехав из опасного и голодного Петрограда в Архангельск – по военной командировке, адъютантом дружины, пишет Вере Владимировне в прежнем стиле:

«...А с тоской сплелось сожаление. Сожаление о неслучившемся. Я метался по комнате и просил Бога, и как-то нелепо, неумело... Здесь, на Севере, одинокая могила моей юности. И здесь же венок, сплетенный из милых, старых нелепостей!

Как жаль мне своей юности!..»

Однако жизнь, похоже, не так безнадежна. Вот отрывок из его письма матери:

«...Но что это?

По-прежнему смеялись радостно гимназистки и глазки приятные делали, по-прежнему дамы, ухмыляясь чрезвычайно, кого-то прочили, что-то советовали...»

Зощенко, молодого красавца, офицера, естественно, сватали. Прежняя жизнь еще тянула к нему свои жадные руки. То соблазняла шикарная вдова, то прочили ему дочь богатого рыбо-торговца (или, может, работоторговца), то француженка почти уже устроила их бегство в Париж. Но капризного Зощенко все это «не вдохновляло». Что же влекло его?

Отвергнув все соблазны «красивой жизни», он 31 марта 1918 года, получив, наконец, разрешение, возвращается в Петроград, где уже правят большевики... Теперь у него один путь – стать новым писателем в новой стране.

Свой среди чужих

На вечере памяти Михаила Зощенко в Сестрорецке в 2013 году популярный, любимый зрителями «усач», актер Панкратов-Черный, замечательный исполнитель произведений Зощенко, рассказал многочисленным поклонникам Зощенко такую историю. Дед его был родом из казаков, служивших в Петербурге, охранявших царя и самодержавие, после революции уехал в Сибирь. В доме деда будущий актер нашел книги Зощенко, с увлечением читал. Потом задал деду вопрос: «Кто это – Зощенко? Откуда?» «Из перебежчиков! – сказал ему дед. – Был наш, служил Отечеству. Потом перебежал к большевикам».

Зощенко нелегко дался «выбор читателя», переход на сторону «простого народа». Вера Владимировна Кербиц-Кербицкая происходила из знатной семьи с польскими и немецкими корнями, закончила в 1916 году Петровскую гимназию с медалью и после нее два класса Педагогических курсов; в гимназии слыла первой красавицей и безусловно оставалась душой там, в прошлом.

«...Я помню темный вечер в холодной нетопленной комнате... слабый свет лампадки... Передо мной – груда старых писем. И я плакала – от тоски по прошлому, от моего одиночества... Пришел Михаил... Увидел мои слезы – «У вас, кажется, плохое настроение!» – повернулся на каблуках и ушел... Вместо того, чтобы спросить, в чем дело, пожалеть, утешить, приласкать... Михаилу невыносима была печаль. Невыносимы были слезы».

Да. Слезы о прошлом были невыносимы ему. Над прошлым нынче полагалось смеяться!

Мать Веры, Ольга Сергеевна, была выслана после революции в Арзамас, «за связь с попами»... Ее младший брат Борис учился в Петербургском кадетском корпусе, но потом, пытаясь спрятаться, закончил курсы бухгалтеров, женился. И тем не менее в 1924 году вместе с женой был репрессирован и сослан на 10 лет на строительство Беломорско-Балтийского канала. После чего был поражен в правах, жил в Малой Вишере и в 1937-м был вновь арестован. Саму Веру Владимировну в 1924 году в результате «чистки» выгоняют из университета. И вот с таким грузом на душе, с таким «комом несправедливости», обрушившимся на его близких, Зощенко все же принимает бесповоротное решение – стать советским писателем, писать не для «бывших», а для новой реальности. И даже в 1933 году, когда надо было поехать на писательском пароходе на Беломорканал, где мучился младший брат его жены, он поехал. Мы не знаем, каких усилий стоило Зощенко его «перерождение», но, наверное, и в этом причина его постоянных страданий, мучительной меланхолии.

Да, Зощенко твердо решил – писать только о новой жизни и по-новому: ни прежней жизни, ни прежних читателей уже не будет! Да, старый мир «прикончили». Но кто – победитель? С кем «пир-ровать»? Опечатка случайная, и тем не менее, наверное, правильная. Именно «пирровать»!.. На всякий случай поясню: подразумевается историческая «Пиррова победа» – больше похожая на поражение. Старый мир прикончили. Но кто – победитель?

В рассказе «Любовь» Гришка Ловцов (фамилия весьма характерная), «кончивший» какую-то барскую усадьбу и прогуливающий денежки, уводит еще и жену у «долгоусого» рыхлого интеллигента. Зощенко и сам такой – рыхлый интеллигент. И у него тоже порой «уводят жену» (о ее романах известно немало). У нее тоже появляются поклонники, например, пролетарский поэт Василий Князев, говоря прежним языком – «хам», которого не удерживают ни правила, ни приличия. Как же чувствует себя Зощенко среди этих «новых героев»? Внешне ведет себя сдержанно (даже громких скандалов Вере не устраивает) и пишет «про них» – завоевателей, варваров.

Герой рассказа «Гришка Жиган» – ловкий конокрад, который, даже будучи пойман мужиками на ярмарке с краденой лошастью, ловко выкручивается, хитро играя словами –

зощенковская виртуозность языка тут уже, безусловно, есть. Так кому Зощенко отдает свой дар? Им, ворам и грабителям! Вот кусок:

«А купчик медлил и спрашивал:

– Ну, а она, боже сохрани, не краденая?

– Краденая? – обижался Гришка. – Эта-то лошадь краденая? У краденой лошади, господин купчик, взор не такой. Краденая лошадь всегда глазом косит. А тут, обратите внимание, какой взор. Чистый, королевский взор. И масть у ней королевская».

А когда Гришку ловят мужики и хотят убить, «заговаривает» их, почти до восхищения, и мужики поддаются:

«Соврал, собачий хвост. Как пить дать соврал. А ведь каково складно вышло. Ах ты, дуи его горой! Такого и бить-то жалко!»

Зощенко своим талантом спасает, выгораживает этих «героев» – так, что их и бить-то жалко! И в этом одна из причин его популярности среди весьма разношерстной публики, составляющей народ.

Надо сказать, что в 1918-м, вернувшись из Архангельска в Петроград, Зощенко какое-то время работал подмастерьем в сапожной мастерской.

«Я сижу на низеньком табурете. На моих коленях чей-то потрепанный сапог. Рашпилем я подравниваю только что прибитую кожу подметки.

Я – сапожник. Мне нравится эта работа. Я презираю интеллигентский труд – это умственное ковыряние, от которого, должно быть, исходят меланхолия и хандра.

Я не вернусь больше к прошлому. Мне довольно того, что у меня есть.

Напротив меня, за низким грязным столом, сидит хозяин Алексей Алексеевич – толстый сапожник в никелированных очках. Рядом с ним его племянник – подросток Андрюшка. Они оба работают сосредоточенно.

Подросток не без лихости бьет молотком по подметке.

Позади, на деревянном диване, – белобрысый хозяйский сын. Оболтусу двадцать лет. Он поступает в консерваторию, на класс скрипки. По этой причине он не работает. Он сидит с газетой в руках.

Засмеявшись, подросток Андрюшка начинает рассказывать историю о том, как летом один жилец свалился из окна второго этажа. Выпив денатурату, он заснул на подоконнике и, потянувшись во сне, упал в сад. Побился, но не убился.

Третью неделю я каждый день слышу эту историю. Тем не менее все смеются. И я тоже смеюсь – это почему-то смешно».

Герои Зощенко – вот они! Но все же молоток в руках вместо пера – не совсем то. Как говорил Горький – «повар сам не обязан вариться в супе». Надо быть с поварешкой рядом с кипящим супом – но все же сохранять некоторую дистанцию. В июне 1918 года Зощенко поступает телефонистом в пограничную охрану Стрельна – Кронштадт. Руки заняты, но все же не так, как в сапожном деле, – можно писать. Он пишет о бедноте, о деревне, но языком прежним, из прежней жизни. Похоже, Ницше, Уайльд, Пшибышевский – все еще его кумиры! Он пишет о безвольном Керенском и о «чудесной дерзости» большевиков, которые, ни перед чем не останавливаясь, взяли власть. Он посылает свое творение – рассказ «Чудесная дерзость», подписанный псевдонимом М. М. Чирков, в «Красную газету». Зощенко восхищен «чудесной дерзостью» большевиков, перевернувших Россию. Зощенко ходит на Конногвардейский бульвар, вскоре ставший бульваром Профсоюзов, где расклеивают «Красную газету», и регулярно читает отдел, который называется «Почтовый ящик».

Тут надо сделать некоторое замедление и разъяснить ситуацию тех дней. Не только из скромности он послал свое произведение под псевдонимом. С 6 сентября 1918 года в той же «Красной газете» под рубрикой «Ответ на белый террор» печатались списки «заложников», среди которых было немало бывших офицеров царской армии. Брать заложников стали после

убийства Урицкого и покушения на Ленина. Людей хватали без разбора – точнее, все же с разбором, предпочитая «бывших», – и в случае какого-то враждебного выступления против властей всех заложников расстреливали. Так что фамилия Зощенко, офицера царской армии, не должна попадаться на глаза – большевики запросто, с «чудесной дерзостью», могут схватить и расстрелять. И вот однажды «М. М. Чирков» с содроганием читает в «Почтовом ящике»: «М. М. Чиркову. – Нам нужен ржаной хлеб, а не сыр бри». Раскусили, какой это М. М. Чирков! Хвалит большевиков – а язык-то прежний, дворянский! Их не проведешь!.. Видимо, не только из-за страсти к путешествиям Зощенко вскоре уходит «в отпуск по болезни» с должности телефониста пограничной охраны Стрельна – Кронштадт и уезжает к сестре Елене (той самой Лельке) в усадьбу Маньково в Смоленской губернии, где в бывшем поместье ее мужа она работает счетоводом. Это скорее похоже на бегство. Таково первое движение от соприкосновения Зощенко с советской печатью: бежать! Засветившись в одной из рубрик «Красной газеты», он может легко появиться в той же газете в списке расстрелянных – за «бывшими» явно ведется целенаправленная охота. Многие исследователи – да и сам Зощенко – искали причины угнетенного состояния его психики. Но кроме глубинных причин действовали, видимо, и причины простые и реальные – страшновато увидеть грубый отзыв в свой адрес (пусть и под псевдонимом), рядом со списками заложников-смертников. Такое может подорвать спокойствие навсегда.

Конечно, дотошные литературоведы (в данном случае Е. Захаревич) установили, что ответ Михаилу Зощенко насчет «сыра бри» пишет на самом деле «известный сатириконский поэт», сотрудничающий с газетой, и именно он направит «Зощенко в нужное русло. И именно тогда писатель откажется от символистской эстетики и начнет выражаться языком, понятным многомиллионной читательской аудитории».

Видимо, это правда: так рождался его язык. И уже вскоре в его рассказе «Я очень не люблю Вас, мой господин» – весьма напыщенном, вдруг мелькает уже чисто зощенковская фраза: «Сегодня возбужу вопрос с точки зрения».

К сестре Елене Зощенко съездил скорее неудачно. Еще в детстве Лелька, как ее звали в семье, командовала братьями и сестрами. Отчаянно смелая и практичная, склонная к авантюрам, только она могла устроиться в бывшем имении родителей своего мужа, погибшего белого офицера, на должность секретаря сельсовета и умудриться еще как-то владеть ситуацией, командовать людьми, устраивать нужных людей (в данном случае младшего брата) на службу, когда повсюду царила безработица. Естественно, что измученный Михаил потянулся к ней, в надежде найти защиту «под крылом» старшей сестры, которая, казалось, нигде не пропадет и везде найдет выход. Лелька и позже спасала его – когда Зощенко с его рассказами обложили со всех сторон, он написал серию замечательных детских рассказов «про Лельку и Миньку», и это на время спасло его, а рассказы эти навсегда остались в литературе. А тогда, в 1918 году, вооружившись книгами по птицеводству и кролиководству, он покупает билет до поселка Красный Смоленской губернии, оттуда добирается до усадьбы Маньково и оказывается у сестры.

Дотошные исследователи Зощенко восстановили буквально все, в том числе и точное произношение названия усадьбы. Оказывается, там есть две деревни рядом с похожими названиями – Ваньково (с ударением на «а») и Маньково.

Что произошло с Зощенко там? Наиболее известное описание тех дней – рассказ Зощенко «Как я пошел сражаться за Советскую власть». В нем он написал, сначала в комическом стиле, про то, как пытался изучать птиц, которых раньше видел лишь на обеденном столе, но дальше перешел на пафос: он якобы уехал оттуда, потрясенный, как он пишет, картинами вопиющей нищеты, униженности крестьян и тупого чванства «бывших», мечтающих о возвращении имений и порке бунтарей. И эти люди считали его «своим»! Зощенко сказал им: «Негодяи, преступники! Это из-за вас такая беда, такая темнота в деревне, такой мрак!» И, уехав оттуда, он поступает в Красную армию. Рассказ «Как я пошел сражаться за Советскую власть»

написан вполне убедительно и, безусловно, искренне. Но стоит посмотреть на дату этого сочинения – 1957-й – за год до смерти, когда затравленный и измученный Зощенко искал хоть какие-то возможности «реабилитироваться», снять проклятие, наложенное на него властью. Но по документальным материалам, по свидетельствам очевидцев, успевших опубликовать свои воспоминания, обстановка в Маньково была несколько иная, нежели в рассказе Зощенко. Как раз бывшие помещики, изгнанные из своих домов и расселенные по ветхим избам, если и злились на власти и крестьян, то никакой реальной силы уже не представляли. Хозяиничали там в основном чекисты, которые энергично вывозили мебель и картины из помещичьих домов, и наверняка могли присматриваться к «странному родственнику», приехавшему к бывшей жене белого офицера. И Зощенко снова пришлось бежать.

Конечно, он сочувствовал бедным и несчастным крестьянам, без этого русского писателя быть не может, но выставлять главным злом того времени ограбленных дворян – это пришло в голову Зощенко лишь в 1957 году, когда он пытался хоть как-то защититься от этой власти. Конечно, Зощенко уже в 1918 году понимал, что от нее не спрячешься, если придется здесь жить и писать. И он стал своим, самым близким массам. Но все же тогда вряд ли он сбежал с должности куровода из-за возмущения бывшими помещиками, и вряд ли вступил в Красную армию из-за этого. Он принял суровую свою судьбу как должное – но скорее всего тогда пошел в армию как раз для того, чтобы как-то затеряться, спастись, показаться своим – среди чужих. Не думаю, что кто-то из нас имеет моральное право осуждать его за это – тем более что так и родились замечательные его книги. Но вряд ли он испытывал тогда большой душевный подъем. После блестящей службы в 16-м гренадерском Мингрельском Его Императорского Величества Великого князя Дмитрия Константиновича полку Кавказский дивизии – в январе 1919-го он оказывается адъютантом в 1-м Образцовом полку деревенской бедноты!

Парадоксы новой, советской жизни, которые так смешно «воспел» Зощенко несколько позже, уже обступают его. Оказывается, и беднота может быть «образцовой»! Полк стоял под Петроградом, на линии Нарва – Ямбург, против армии белого генерала Булак-Балаховича. Но желанного «слияния с народом» Зощенко здесь не нашел. К его удивлению, в 1-м Образцовом полку бедноты преобладали антибольшевистские настроения! И если начать так уж рьяно командовать – можно и пулю в затылок получить. Да – отнюдь не с радушными объятиями принял «аристократа» Зощенко простой народ. Сюжеты, чудовищные и дикие, идут косяком:

«Кто-то стучит в окно. Я вижу какую-то штатскую фигуру в изодранном, грязном пальто. Постучав в окно, человек кланяется.

Я велю часовому пропустить этого человека. Часовой нехотя пропускает.

– Что вам угодно? – спрашиваю я.

Сняв шапку, человек мнется у дверей.

Я вижу перед собой человека очень жалкого, очень какого-то несчастного, забитого, огорченного. Чтобы ободрить его, я подвожу его к креслу и, пожав ему руку, прошу сесть. Он нехотя садится.

Он говорит, еле шевеля губами:

– Если Красная Армия будет отходить – отходить ли нам вместе с вами или оставаться?

– А кто вы будете? – спрашиваю я.

– Я пришел из колонии «Крутые ручьи». Там наша колония прокаженных».

Уже чисто зощенковская история! Да, необходимо сочувствие слабым и больным, но с прокаженными общаться как-то не хочется! И как-то странно стоит вопрос: к кому должны примкнуть прокаженные – к белым или красным? Явно, это и тех и других не украсит!.. «Освободили прокаженных», которые теперь не знают, как жить!

«Я иду в лазарет и карболкой мою свои руки.

Я не заболел. Вероятно, у нас преувеличенный страх к этой болезни.

Но сердце было испорчено газами, и я должен был подумать о новой профессии».

Какая это должна быть профессия – ему уже ясно. В один из приездов в голодный и холодный Петроград он заходит к Вере, греется у печки, молчит. Вера оставляет такую запись в дневнике: «13 декабря 1918 года он зашел ко мне, приехав на несколько дней с фронта, из Красной армии, в короткой курточке, переделанной им самим из офицерской шинели». Вера задает ему вопрос: что сейчас самое главное для него? – и надеется услышать ответ, что, конечно же – она, их отношения. Но Зощенко говорит: «Конечно же, моя литература!» К тому же получается так, что и по состоянию здоровья ни к какой другой работе он не пригоден. Спасти литературу! Такая идея приходит в голову людям в критические моменты... Но сделать это не так легко. Новая жизнь не очень-то Зощенко принимает. Кроме того, здоровье становится все хуже, он вдруг теряет сознание...

«И вот вторую неделю я лежу в палате.

Кроме того, что я плохо себя чувствую, я еще голоден. Это – девятнадцатый год! В госпитале дают четыреста граммов хлеба и тарелку супа. Это мало для человека, которому двадцать три года.

Моя мать изредка приносит мне копченую воблу. Мне совестно брать эту воблу. У нас дома большая семья.

Напротив меня на койке сидит молодой парень в кальсонах. Ему только что привезли из деревни два каравай хлеба. Он перочинным ножом нарезает куски хлеба, мажет их маслом и посылает в свой рот. Это он делает до бесконечности.

Кто-то из больных просит:

– Свидеров, дай кусочек.

Тот говорит:

– Дайте самому пожрать. Пожру и тогда дам.

Заправившись, он разбрасывает куски по койкам. Спрашивает меня:

– А тебе, интеллигент, дать?

Я говорю:

– Только не бросай. А положи на мой стол.

Ему досадно это. Он хотел бы бросить. Это интересней. Он молча сидит, поглядывает на меня. Потом встает с койки и, паясничая, кладет кусок хлеба на мой столик. При этом театрально кланяется и гримасничает. В палате смех.

Мне очень хочется сбросить это подношение на пол. Но я сдерживаю себя. Я отворачиваюсь к стене.

Ночью, лежа на койке, я съедаю этот хлеб.

Мысли у меня самые горькие».

Да – горечь его можно понять. Он сделал все, чтобы максимально приблизиться к народу, валяется в одной больничной палате со всеми, на такой же койке!.. А народ не принимает его, даже издевается. Что за проклятая «отметина» у него? Уж и на вид он «довольно потрепанный гражданин», но – не принимают! Видимо, им чужд его язык «мальчика из хорошей семьи» – неужто надобно перейти на просторечие работяг и обывателей, забыв, как его воспитывали, как учили? Кол за гимназическое сочинение вселял смутную надежду на то, что такой речью он, в конце концов, овладеет!

Эти встречи с народом «протерли ему глаза», избавили от юношеской умиленности и слезливости.

Слезливый Зощенко, рвущий на себе рубаху от любви к простому народу, под насмешливым, если не презрительным взглядом этого самого народа? Зачем нам Зощенко такой? Интеллигентские «всхлипы» нелепы. Жизнь гораздо сложнее и страшнее, чем думают раде-тели, «болеющие за народ», но не покидающие своих квартир, подлинной правды избегающие... А Зощенко все «увидел в упор». И поднял своих героев – в литературу. Но – надо быть с ними! Он кидается «из огня да в полымя» – в конце апреля 1919 года поступает на работу

младшим агентом уголовного надзора станции Лигово, под Петербургом. Хуже не придумаешь. Самая плохая и опасная должность, с точки зрения здравомыслящего человека. И там пишет, причем – в ироническом ключе, как бы «приказы по железнодорожной милиции и уголовному надзору станции Лигово». Но – работает вполне серьезно: ловит самых настоящих бандитов, вооруженных «пушками». 26 июня его повышают – аж до должности старшего милиционера! Неужто – приняли за своего?

Сумасшедший корабль

Но его ведет и «главный инстинкт» – нужно выстроить свою писательскую судьбу: бандиты и милиционеры тут вряд ли пособят. И в конце июня 1919-го он решается, наконец, «объявиться» среди писателей – поступает в Студию при издательстве «Всемирная литература» – пока, осторожно, на отделение критики.

Можно представить себе, как нелегко было ему, с его нелюдимостью и уязвленным самолюбием, сделать этот шаг! Но талант неумолим и порой заставляет писателя сделать то, что обычный человек никогда бы не сделал. Талант «толкал» Зощенко и на более отчаянные шаги!

После прежних неказистых мест службы, где Зощенко столько лет собирал «человеческий сор» (так впоследствии пригодившийся), он появляется, наконец, в литературном обществе, в шикарном, хоть и ободранном революцией Доме Мурузи (названном так по имени прежнего хозяина). В Петербурге есть несколько таких замков литературы, сыгравших важную роль в петербургской – а потом и во всемирной – литературной жизни. Без них, кажется, была бы пуста та эпоха, а без всех их вместе – был бы пуст Петербург. Мойка, 12 (последняя квартира Пушкина), Дом Набокова, Дом Зингера (где были все лучшие издательства), Дом Некрасова, Дом Елисеева (Дом искусств)... И в этом ряду Дом Мурузи – из самых знаменитых, в нем жила не одна, а несколько литературных эпох.

Дом этот весьма пышный, с роскошными залами в восточном стиле, с резными сводами и узорными окнами. Впрочем, тогда, в самом начале XX века, стиль этот, называвшийся «эkleктика», был весьма распространен – по всему Петербургу вырастали восточные дворцы, рыцарские замки, ренессансные палаццо... Богатство в то время не прятали, наоборот – показывали. Дома эти, словно приплывшие из далеких стран, будили воображение необыкновенным декором, притягивали к себе людей искусства. И Дом Мурузи стал одним из таких магических домов. Великая литература, которая здесь «расцвела», своим величием и роскошью затмевает все «архитектурные излишества» этого дома.

Я бывал в нем в 70-е годы XX века у поэта, чья мемориальная доска украшает сейчас фасад. По какой-то таинственной, высшей закономерности в этом доме, уже «одичавшем», обшарпанном, поселился еще мальчиком Иосиф Бродский. И прожив здесь с 1949 по 1972 год, стал великим поэтом. Повлиял ли этот дом на него? Наверняка он будил его воображение. Здесь он выходил на балкон, смотрел на часы Преображенской церкви, отсюда уезжал – в геологические экспедиции («С высоты ледника я озираю полмира»), потом – в ссылку в Норинское, потом – навсегда в эмиграцию. Много замечательных писателей знал этот дом – и наверное, они тоже не совсем случайно выбирали его.

Перед революцией домом владел генерал Рейн. Об этом мне рассказал наш современник, известный поэт Евгений Рейн, друг и, как он скромно признается, учитель Бродского, неоднократно посещавший его в этом доме. Я тоже бывал в тех «полутора комнатах» в коммуналке, где вырос нобелевский лауреат. Ранее – из жильцов этого дома был широко известен купец Абрамов, прославлявший свою продукцию в стихах собственного сочинения. В дворе флигеле на четвертом этаже жил писатель Николай Лесков. В богатый талантами Серебряный век в этом доме был знаменитый литературный салон Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Тогда еще жилплощадь не начали делить на клетушки, и дом двух этих литературных кумиров был вместительным – здесь «бывали все». Возьмем только начало алфавита – Андрей Белый, Александр Блок... В этом доме была и квартира потомков Мурузи – тоже не тесная. Но после революции и бегства потомков она как-то никому не подошла, кроме беспризорников, и пребывала в запустении. В 1918 году сюда случайно забрели Корней Чуковский и Александр Тихонов (Серебров) и решили здесь учредить литературную студию. Преподавать в ней согласились уже знаменитые тогда Николай Гумилев, Михаил Лозинский, Виктор Шклов-

ский... Озарил этот дом своим «нестерпимым гением» (как позже писал он сам) и Михаил Зощенко, о котором поначалу становится известно – да и то не сразу – только одно: что это милиционер со станции Лигово. Шумной славы, которая вскоре обрушится на него, ничто вроде не предвещает. Что именно он из всех, собравшихся тут, окажется самым талантливым, самым знаменитым, никому в голову не приходит. Даже ему: столько здесь, в этой студии и вокруг нее, людей уже знаменитых, чей талант – бесспорен. Гумилёв, самый знаменитый тогда поэт! Блок! Чуковский, тогда проявивший себя только как блистательный критик, написавший замечательную книгу о Некрасове! Замятин! И целая толпа молодых, дерзких, талантливых! Откуда вдруг сразу столько новых талантов? Почему порой такое случается? Всегда бурное время будоражит сознание. И появляются новые гении, не похожие на прежних. «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир». Это написал Тютчев, отнюдь не бунтарь, государственный служащий, но – написал! Пушкин декабристом не был, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», отвергал – но «погода» тех лет на него повлияла несомненно – вспомним хотя бы оду «Вольность». И послереволюционное время тоже соблазняет молодых и дерзких своей «вольностью». Классики, так угнетавшие еще в гимназии, грозно ставившие «колы» нерадивым ученикам, не желающим полюбить тех «страдающих барышень», которых навязывал учебник, слава Богу, «схлынули», и теперь можно говорить и писать свое, то, что действительно на душе! Такой «вольный ветер» бывает в России не часто и, безусловно, пьянит! И то созвездие талантов, которое тогда появилось – несомненно, рождено новой эпохой. В старую бы они не вписались. Порой всем известный афоризм «искусство требует жертв» произносят несколько легковесно – мол, не пойду обедать, буду писать. Но на самом деле все гораздо серьезнее: в жертву новому искусству приносятся целые эпохи, государства, и «на обломках самовластья», на руинах прежнего, вырастают, как сорняки, побеги нового. На смену рухнувшей замечательной цивилизации приходят варвары, что-то говорят, и новые звуки вдруг тоже волнуют, и даже сильнее, чем прежние, уже привычные.

Не случайно этой новой Студии активно помогал Алексей Максимович Горький, «буревестник революции». Теперь, когда «буря» столь ощутимо прошла по стране, он должен был показать, что процесс этот был не только разрушительным, но и созидательным. Ау, новые таланты! Появление их было необходимо – и они появились. Таланты появляются, когда на них спрос. Для этого и была создана Студия – и сразу привлекла многих, искавших прибежища. Здесь «варилось» литературное будущее. Так что Зощенко, после долгого «одиночного плаванья», причалил к этому Замку не случайно. Гении редко ошибаются. Именно здесь Михаил Зощенко и создает себя. Ничего более подходящего и счастливого для него быть не могло. Сперва в Доме Мурузи Горьким задумывалась лишь студия для переводов шедевров всемирной литературы. Но потом сколько здесь появилось хороших писателей! И лучший – Зощенко! Чуковский, один из руководителей Студии, вспоминает:

«Это был один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел. Ему едва исполнилось двадцать четыре года. Смуглый, чернобровый, невысокого роста, с артистическими пальцами маленьких рук, он был элегантен даже в потертом своем пиджачке и в изношенных, заплатанных штиблетах. Когда я узнал, что он родом полтавец, я понял, откуда у него эти круглые, украинские брови, это томное выражение лица, эта спокойная насмешливость, затаенная в темно-карих глазах. И произношение у него было по-южному мягкое, хотя, как я узнал потом, все его детство прошло в Петербурге.

...Когда он выступил в Студии со своим рефератом, стало ясно, почему он держал его в тайне и уклонялся от сотрудничества с кем бы то ни было: реферат не имел ни малейшего сходства с обычными сочинениями этого рода и даже как бы издевался над ними. С начала до конца он был написан в пародийно-комическом стиле.

...Своевольным, дерзким своим рефератом, идущим наперекор нашим студийным установкам и требованиям, Зощенко сразу выделился из массы своих сотоварищей. Здесь впервые наметился его будущий стиль: он написал о поэзии Блока вульгарным слогом заядлого пошляка Вовки Чучелова, физиономия которого стала впоследствии одной из любимейших масок писателя. Тогда эта маска была для нас литературной новинкой, и мы приветствовали ее от души».

Да – не зря он сюда причалил! Зощенко уже «на одном плоту» с лучшими писателями той поры, и этот плот несет куда-то бурный поток истории – и это, наверное, хорошо. Стоячий пруд – не лучшее место для появления сильных личностей. Студия в Доме Мурузи через три месяца закрылась. Жильцы «в бывших дворцах» менялись часто. К счастью, благодаря помощи Горького для студийцев вскоре нашлось другое помещение. Из воспоминаний Чуковского, главного летописца той литературной эпохи:

«19 ноября 1919 года на Невском в бывшем дворце петербургского богача Елисеева открылся ныне знаменитый Дом искусств, куда захиревшая Студия перекочевала в обновленном составе... этот огромный домина выходил на три улицы: на Мойку, на Большую Морскую и на Невский – и... трехэтажная квартира Елисеевых, которую предоставили Дому искусств, была велика и вместительна. В ней было несколько гостиных, несколько дубовых столовых и несколько комфортабельных спален; была белоснежная зала, вся в зеркалах и лепных украшениях; была баня с роскошным предбанником; была буфетная; была кафельная великолепная кухня, словно специально созданная для многочисленных писательских сборищ. Были комнатухи для прислуги и всякие другие помещения, в которых и расселились писатели: Александр Грин, Ольга Форш, Осип Мандельштам, Аким Волынский, Екатерина Леткова, Николай Гумилёв, Владислав Ходасевич, Владимир Пяст, Виктор Шкловский, Мариэтта Шагинян, Всеволод Рождественский... Чуть позже появился Зощенко».

Такого, чтобы в одной квартире сразу же оказалось столько талантов, – это, конечно, уникальный случай в истории. И именно в этом «котле» так быстро и энергично «сварилась» новая литература – многие, включая Зощенко, вошли сюда неопытными юнцами, а вышли мастерами.

Ольга Форш, будущий советский классик, написала об этом роман – «Сумасшедший корабль», в котором под выдуманными именами мы узнаем многих будущих знаменитостей. В образе могучего Еруслана изображен Максим Горький. Гамаюн – Александр Блок. Зощенко, появившийся в ДИСКе (как сокращенно называли Дом искусств) уже под конец работы над романом, узнаваем лишь во второстепенном персонаже – писателе Гоголенко.

Однако, повторим, именно здесь Зощенко складывается как писатель. Поначалу осторожничает, в печать не лезет (хватит с него «сыра бри»), а читает свои рассказы студийцам. И лучшей школы для него быть не могло! Да, ДИСК возник не напрасно! Именно здесь Зощенко оценили – впервые! Здесь был написан, прочитан и – расхвален «Синебрюхов», первый его шедевр! Чуковский вспоминал:

«Восхищаясь многоцветною словесною тканью этого своеобразного цикла новелл, студисты повторяли друг другу целые куски из «Виктории Казимировны» и «Гиблого места» – из новелл, составляющих «Синебрюхова».

Многие слова и словечки из этих рассказов, также из рассказа «Коза», который они узнали тогда же, они ввели в свою повседневную речь, то и дело применяя их к обстоятельствам собственной жизни.

«Что ты нарушаешь беспорядок?» – говорили они. «Довольно свинство с вашей стороны». – «Блекота и слабое развитие техники». – «Человек, одаренный качествами». – «Штаны мои любезные». – «Подпоручик ничего себе, но сволочь». – «Что же мне такоеча делать?»

Эти и многие другие цитаты из произведений молодого писателя зазвучали в их кругу как поговорки. Слушая в Доме искусств плохие стихи, они говорили: «Блекота!» А если с кем-нибудь случалась неприятность – «Вышел ему перетык».

Вообще в первые годы своей литературной работы Зощенко был окружен атмосферой любви и сочувствия.

Думаю, что в то время он впервые нашел свою литературную дорогу и окончательно доработался до собственного – очень сложного и богатого стиля».

В ноябре 1921 года, по предложению Е. Полонской, Зощенко становится пайщиком кооперативного издательства «Эрато» и отдает издательству рукопись книги «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова». Зощенко нервничает, просит печатать обложку без его фамилии. Сам рассказчик, зощенковский персонаж, должен вести рассказ, а Зощенко «спрятался». Известна анекдотическая подробность – в эпоху послереволюционной разрухи деньги настолько обесценились, что метранпаж в типографии согласился начать работу... только за сорок тюбиков бриллиантина для подкручивания усов! Потом метранпаж говорил, что никогда раньше не слышал, чтобы наборщики так смеялись... Впрочем, один такой случай в истории уже был – это когда наборщики читали рукопись Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Сходство двух гениев украинского происхождения – Гоголя и Зощенко – замечено многими. Сам Зощенко этим сходством гордился и любил порой об этом сказать. Сходство их было не только литературное: горестно-анекдотические происшествия случались с обоими – писатель всегда «отвечает жизнью» за горемычных своих героев. Так и тут – часть тиража первой же книги Зощенко «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» была напечатана почему-то под чужой обложкой. Видимо, работники типографии так смеялись, что не смогли сосредоточиться и слегка напутали! Что делать? Нелепые герои – такие, видать, и наборщики. У ярких писателей жанр их сочинений распространяется и на их жизнь. Так или иначе (а точнее – именно так, а не иначе), первая книга Зощенко вышла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.